

А. Е.
ЗАРИН

Казнь



Андрей Зарин

Казнь

«Public Domain»

1902

Зарин А. Е.

Казнь / А. Е. Зарин — «Public Domain», 1902

Действие романа происходит в начале века. Перед читателем проходит череда подозреваемых, многие из которых были врагами убитого. События в романе развиваются так, что одно преступление, как по цепочке, тянет за собой другое. Но нетерпеливого читателя в конце романа ждет необычная развязка. Главное действующее лицо романа – это талантливый и бесхитростный сыщик Патмосов Алексей Романович, который мастерски расследует невероятно запутанные дела. Прототипом этому персонажу, видимо, послужил светило петербургского сыска – знаменитый Путилин

Содержание

I	5
II	8
III	11
IV	15
V	19
VI	25
VII	31
VIII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Зарин Андрей Ефимович

Казнь

I

Знойный майский день сменился душным вечером. Заходящее солнце окрасило пурпуровым заревом полнеба и, еще не побежденное тьмою, слабо освещало землю. Утомленные зноем, горожане вышли на улицы, на набережную Волги, на «вокзал» – увеселительный сад над рекою, в городской сад под липами и гуляли, отдыхая от зноя и трудового дня.

В бледных сумерках по аллеям городского сада медленно бродили гуляющие в одиноком раздумии, влюбленными парами, веселыми группами.

В боковой тенистой аллее, на скамье, сидела кокетливо одетая молодая женщина; она оперлась обеими руками на ручку пышного зонтика и задорно смотрела на стоявшего перед нею и говорившего с ней господина.

Ему на вид было лет шестьдесят. Длинный, сухой, в цилиндре и темном пальто, он производил неприятное впечатление жестокою и грубою своей фигурою, которое на смягчалось и при взгляде на его лицо. Маленькие глаза в глубоких впадинах почти прятались под седыми косматыми бровями, длинные усы с подусниками, несомненно крашенные, спускались вниз, а за ними словно тянулся острый и тонкий нос; наконец, толстые губы и мясистые уши – все это не могло внушать доверия, а тем более симпатии к обладателю такой физиономии. А между тем этот худой господин говорил кокетливой женщине дрожащим от страсти голосом:

– Навигация началась. Ты скажи ему, что хочешь прокатиться, что мать достала тебе билет. Я передам его ей. И мы отлично проведем время. До Нижнего и назад. Хочешь, в Петербург проедем...

– В Петербург непременно! – подхватила собеседница. – Я собиралась с тобою зимой, он не пустил.

– Он ревнив, – заметил господин.

– Ох, и не говори! – женщина стукнула зонтиком. – Я думаю, он может убить тебя! – и она засмеялась, увидев, как он вздрогнул. – Нет, – успокоила она, – не бойся! Он подозревает, но ничего не знает на верное. Поэтому и злится.

– Но меня-то знает?

– Кто же тебя не знает! – Она замолчала.

Мимо них прошли гуляющие. Господин отвернулся, стараясь скрыть свое лицо. Когда все прошли, он обернулся к женщине.

– Нет, здесь совершенно неудобно. Я пойду. Если уладишь поездку, пришли записку в банк. До свиданья! Я бы поцеловал тебя, но... – голос его при этих словах задрожал снова.

Молодая женщина рассмеялась.

– Что же, целуй!

Но господин только улыбнулся, причем казалось, что его острый нос на миг прильнул к толстой губе, и, чуть кивнув головою, он медленно пошел по аллее к выходу.

Молодая женщина посидела с минуту, потом встала и беспечно пошла той же дорогой, но едва она вышла на главную аллею, как кто-то резко схватил ее за руку.

Она оглянулась, и улыбка тотчас исчезла с ее лица. Перед нею стоял господин лет сорока, высокого роста, широкий в плечах, с грубым лицом крестьянина; брови, усы и борода его были так светлы, что почти сливались с лицом, серые небольшие глаза светились злым блеском, широкий рот кривился злобою. Он был одет в изящное светлое пальто, светлый котелок и красные перчатки; в руках у него был зонтик.

Молодая женщина быстро оправилась от первого испуга и, видимо бравируя, сказала:
– Что у тебя за манеры? Ты совершенный мужик!

Он не обратил внимания на ее слова.

– У тебя было свидание с Деруновым? Да? Я его видел сейчас. Встретил.

Молодая женщина презрительно пожала плечами.

– Последнее время ты его видишь всюду: в стакане чая, в тарелке супа. Если ты его и видел, что это доказывает? Однако пойдем, чтобы не привлекать толпу, и дай мне руку!

Она ловко продела свою руку под его, повернулась к выходу и повела его. Он шел, продолжая говорить:

– Я знаю, что ты врешь и меня обманываешь. Знаю, что ты виделась с Деруновым, и, клянусь, если добьюсь факта – плохо будет! Ты не знаешь меня. Я убить способен... да, убить!

– Не жми так руку! И говори тише: все оглядываются.

Он понизил голос.

– Я, Катерина Егоровна, дорожу своим именем и не позволю себя вам дурачить. Я мужик, да – с! А вы благородная были девица; но я пробил себе дорогу, имею честное имя, и вы сами согласились носить его. Так носите с честью! Я, может, и по – мужицки понимаю ее, честь эту, но уж тут меня не переделать.

Екатерина Егоровна только презрительно пожала плечами. Он прошел несколько шагов и заговорил снова:

– Позор! Я спрашиваю: «Что будешь делать?» – «Сидеть дома». Я ложусь спать, просыпаюсь пить чай – и что же? Лушка мне чуть не в глаза смеется: «Чуть вы легли, барыня оделись и ушли!»

– Если я захотела прогуляться.

– Лжешь! Не прогуляться, а ты условилась и успокоила меня. Ты боялась, как бы я не вызвался идти с тобою!

– Все это твои выдумки. Ты сам раньше говорил, смеясь, что я не знаю, что буду делать через пять минут, а теперь – вот!

Они дошли до деревянного флигелька с раскрытыми настежь окнами, с обитой зеленым сукном дверью, на которой блестела медная доска с надписью: «Александр Никитович Захаров», и Екатерина Егоровна с силою дернула ручку звонка. Звонок громко задребезжал.

Курносая, вся в веснушках девушка распахнула дверь ипустила господ.

Александр Никитич быстро сбросил с себя пальто и, снимая на ходу перчатки, прошел в кабинет.

– Разогрей самовар и подай простоквашу, – донеслось до него распоряжение жены.

Он подошел к письменному столу и опустился в кресло. Прилившая к голове кровь стучала в виски и резала глаза. Он прикрыл их рукою и задумался.

Он сознавал отчетливо, ясно, что нет ничего пошлее ревнивых подозрений, но они сами лезли ему в голову и не давали ему покоя. С чего началось?.. Почему Дерунов?.. Правда, ей скучно с ним: она жизнерадостна и любит веселье, он угрюм и необщителен. Она иногда тосковала, иногда они ссорились и все-таки жили складно, а теперь?.. Ему стали припоминаться случаи, когда, придя со службы, он обедал один, когда вечер за вечером она уходила в театр, к знакомым, оставляя его одного. Хозяйство запущено, все в забросе: пыль не сметена, иногда вечером перед самым чаем оказывается, что вышел весь сахар. Лушка заваривает чай... Потом вдруг у нее появились наряды. На какие деньги? Она говорит, что дает мать. Разве может давать мать из 60 рублей пенсии с ее замашками, а?.. И в то же время проверить это – мучительно позорно... и вдруг она едет в коляске с этим Деруновым! Что у них общего? Он богат, воротила в банке, а она? Жена думского бухгалтера! И, наконец, он с Деруновым незнаком. Она говорит, что познакомилась с ним у Можаяевых, что он предложил ей прокатиться. Познакомилась –

хорошо; но зачем же кататься? И, наконец, сегодня!.. Сперва встретил его, следом за ним ее. Какая она шла веселая и как испугалась встречи с ним... О – о!!

Александр Никитич схватился руками за голову и только тут заметил, что он сидит в шляпе. Котелок полетел на диван вместе с перчатками.

Он встал и в волнении заходил по комнате.

В дверь заглянула Екатерина Егоровна. Маленькая, полная фигурка ее в светлом сарпинковом платье была изящна; полное лицо с задорно смеющимися глазами, с пунцовыми губами и ямочкой на щеке, с пышно взбитыми волосами над белым лбом дышало чистотою.

– Ну, успокоился? – спросила она шутливо. – Иди чай пить.

Он остановился перед нею и невольно улыбнулся, хотя брови его еще были нахмурены. Потом он быстро привлек ее к себе и порывисто обнял. Она, сложив на груди руки, прижалась к нему.

– Отчего ты такой? – спросила она его тихо. Он крепче прижал ее к себе.

– Ах, я бы сам хотел перемениться, но что-то порвалось между нами, и ты не хочешь поправить, а я не умею. Все оттого, что я люблю тебя, что я самолюбив, что я, раз усомнившись, не могу вернуть к себе с легкостью прежней веры.

– Я тебя ни в чем не обманываю, – прошептала она.

– Ах, это было бы так жестоко! – страстно сказал он и стал порывисто целовать ее лоб и глаза. – Если разлюбишь, скажи лучше прямо, но не обманывай, не лги! Я не могу быть в неведение! Все, кроме обмана!

Она выскользнула из его объятий.

– Пойдем! А то опять самовар простынет!

Он обнял ее за талию и, успокоенный, счастливый, прошел с нею в ярко освещенную столовую.

.....

После безумного взрыва страсти, который охватил Александра Никитича вслед за долгими ночами гнетущих сомнений, он лежал на постели и наслаждался сознанием взаимной любви.

Екатерина Егоровна прижалась к нему полными грудями:

– Милый, если ты хочешь совсем избавиться от своих подозрений, отпусти меня недели на три – четыре.

Он вздрогнул.

– Куда?

– Я проеду по Волге... До Нижнего... и назад. У мамы есть даровой билет первого класса. Ты по письмам моим увидишь, что, кроме тебя, мне ни до кого нет дела. Я вернусь и стану совсем другая. Ты все забудешь.

Он молчал. Она подождала немного и, обнимая его, заговорила снова:

– Ты знаешь, как у нас летом гадко. Пыль и жара. Я хоть месяц подышу полною грудью, и это почти ничего не будет стоить. Ты дашь мне... ну, двадцать пять рублей! Ты молчишь? Поедем вместе!

Он порывисто обнял ее.

– Разве я могу? Поезжай одна, отдохни, проветришься и вернись ко мне прежней. Нет, – поправился он, – сегодняшней!

Она стала целовать его лицо, и он зажмурился от ее ласк, нежась и млея...

.....

II

Духота вечера смягчалась прохладой огромной реки. Воды ее поднялись высоко, она разлилась по отлогому берегу и казалась широкою, как море.

Пароходы уже тянули по ней караваны барок, пассажирские пароходы – гиганты быстро неслись пеня своими колесами воду, парусные и весельные лодки мелькали тут и там, «Зеленый остров» был затоплен, и лодки гуляющих скользили между деревьев, царапаясь дном о верхушки кустов.

Одна из лодок врезалась в крону тополя и стояла недвижно, в то время как пассажиры ее лениво наслаждались покоем.

Их было двое, и, хотя они не были похожи друг на друга, всякий признал бы их за двух братьев.

Один из них, тот, что сидел на веслах, был мужчина лет тридцати шести, плотный, с коротко стриженными волосами и красивою темно – русою бородою; серые глаза его смотрели мечтательно, но в них чувствовалась твердая воля, чувствовалась она и в резком подрезе ноздрей широкого носа, и в складке губ. Он сидел без сюртука, в жилетке с золотой цепью и крахмальной сорочке. Другой, сидевший на носу, был высок, строен и широк в плечах. Черты лица его были тонки и правильны, подвижные ноздри говорили о пылкости характера, большие голубые глаза то загорались азартным блеском, то становились тусклыми; длинные, густые волосы гривою лежали над его высоким лбом и, падая на воротник, почти закрывали уши. Маленькая острая бородка и небольшие усы открывали его изящно очерченный рот. Ему нельзя было дать более тридцати лет.

В синей рубаше, с расстегнутым воротом, стянутый в талии широким кушаком, он, откинувшись на корму, курил сигару, а на него любовным, задумчивым взглядом смотрел старший брат, облокотившись на колени расставленных ног. – Господи, как хорошо! Не оторвешься! – воскликнул после некоторого молчания младший. – Гоголь писал: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно...», а посмотрел бы он на нашу Волгу. Ширь-то, ширь какая! А какая история, легенды, предания!..

– Стенька Разин и прочие, – отозвался старший.

– Шути! А и Стенька Разин разве теперь не достояние поэтов? Какая удадь, какой размах! Этот не караваны грабить, а на самую Москву шел – воевод ссаживать.

Старший не ответил. Младший глядел на небо, где уже догорал закат и темная туча ползла, как чудовище, медленно, но неуклонно, на безбрежную водную гладь, на город, который издали светился огоньками. Он погрузился.

– Вернувшись назад, после восьми лет разлуки, как безумно хочется вернуть все пережитое, а оно уже ушло без возврата, и чувствуешь себя словно обманутым. Вот здесь, на этом месте, вернее, под этим местом, потому что вода залила остров, сколько перемечтал я с товарищами, каких клятв мы не давали друг другу! И что же?..

– Что же? Ты писатель, твое имя известно, тебя хвалит критика и любит читатель, – возразил брат.

Глаза младшего вспыхнули, он потрянул волосами и сердито воскликнул:

– Ах, не говори мне о моем писании! Это мое проклятие! Я еще ничего не написал такого, что мне по сердцу; ничего так, как мне нравится. Все написанное надо бы разорвать, а между тем, по малодушию, я нес и продавал, потому что мне давали деньги, а они так нужны в Петербурге! Мое писание, моя известность! – повторил он с горечью. – Да разве это писание – в иллюстрированных изданиях для семейного чтения? Мои читатели! Э, Бог с ними! А критика? Напротив, я бы гордился, если бы меня бранили, а не хвалили бы так равнодушно – казенно.

Разве о такой известности я мечтал и мечтаю? Нет, Яша! Подожди. Я еще верю в себя! А пока мне грустно, и томит меня иногда разочарование.

Он замолчал. Брат с любовью ему ответил:

– Ты всегда был таким. То полное презрение к себе, то вдруг сатанинская гордость. В тебе нет выдержки, и от этого ты неровен, как женщина, а иногда легкомыслен, как ребенок.

– Что же, я от этого не отказываюсь. У меня никогда не было твоего равновесия, а следовательно, и силы. Я всегда портил сам свою жизнь и вот теперь... Ах, как мне тяжело, Яша! – вдруг произнес молодой человек с тоскою. – Я терплю такую муку! Признаться, Яков, я думал, что в Петербурге сердце мое настолько износилось и я так опошил, что уже застрахован от глупости, а между тем...

Лицо старшего брата опечалилось.

– Оставь эту мысль, Коля, – сказал он строго.

– Оставь, оставь! – пылко заговорил Николай, сверкнув глазами. – Ты никогда не поймешь этого! Ты отдал мне, неблагодарному, все свое сердце и всю свою любовь, так тебе ли судить о любви к женщине? Слушай! Ты всего не знаешь. Я ведь любил ее, а она меня. Когда я оканчивал гимназию, там, – он указал на город, – рука об руку я с ней гулял по аллеям сада. Она говорила мне о любви, она целовала меня!.. Разве это легко забыть? Потом наша переписка! У меня все письма ее смочены моими слезами. Нет, старая любовь не ржавеет. Я увидел ее, и в душе моей все воскресло снова! Я даже не понимаю, как все случилось. Я знаю, виноват я. Там я увлекся подлою бабой и прекратил с Аней переписку. Если она вышла замуж, то опять, я знаю, с отчаянья. Но разве от этого легче? Мне-то? Когда я увидел ее в первый раз после восьми лет, я думал, что упаду в обморок. В лице ее все: и кротость, и доброта, и прелесть, и все та же святая невинность. И теперь, я знаю, она несчастлива...

– Ты объяснялся с нею? – взволнованно спросил Яков.

– Я не такая свинья. Я благодарен ей, что она не гонит меня от себя; зачем же я буду смущать ее? Но я знаю, я вижу, что она несчастна. И как иначе? Ведь все знают, что за птица этот Дерунов. Эгоист, сладострастник, гадина! Был оценщиком в ломбарде Почкина, стал управляющим, наворовал, занимается ростовщичеством, теперь директор банка и важная персона! Много ты по его приказам векселей протестуешь?

Яков усмехнулся.

– Бывает...

– И она его любит! – воскликнул Николай. – Да никогда! Он омерзителен ей, противен, страшен. Прошлый раз он при мне сделал ей сцену. Был груб, как извозчик. Ах, я могу убить его! – он с яростью отшвырнул сигару, и она описала в воздухе огненную дугу.

Яков побледнел.

– Николай! – сказал он строго. – Ни вслух, ни вполголоса, ни про себя не произноси такого слова. Слово – половина дела.

Николай гневно махнул рукою.

– Слово это сорвалось у меня, но так же сорваться может и самое дело. Ах, Яша, Яша, как я люблю ее! – проговорил он. – Вчера, в то время как ты смотрел на свои звезды, я, как мальчишка, ходил под ее окнами. Промелькнул огонь, остановился в спальне и погас. Яша, я застонал от боли!.. Я хотел камнем вышибить стекла и тем же камнем разбить ему голову.

– Опять! – воскликнул Яков.

– Ну да, опять! – угрюмо ответил Николай и резко сказал: – Едем домой! Пусти меня на весла.

Они поменялись местами, лодка заколыхалась; Николай повернул ее и затем с такою порывистой силой стал грести, словно хотел физической работой укротить свое волнение. Лодка быстро скользила по воде. Сумерки сгустились, и кругом было темно, только город свер-

кал огоньками, да по реке пароходы светились разноцветными огнями сигнальных фонарей, да изредка зарница освещала потемневшее небо.

Яков твердой рукою направлял лодку к сияющему огнями вокзалу, из залов которого вырывались звуки бравурной пьесы и разносились далеко по воде среди ночного безмолвия.

Правя рулем, Яков думал о своем любимом брате, с которым свиделся после долгой разлуки. Он был старше Николая на восемь лет и учился в пятом классе, когда они осиротели и остались без всяких средств. И вот он, шестнадцатилетний юноша, заменил родителей своему брату. Есть характеры, требующие подвига во имя любви, и к таким принадлежал Яков. Опекая брата, он словно нашел свое призвание. Он достал уроки, переписку, учился сам и учил брата. Когда он окончил гимназию, брат поступал в первый класс, и Яков отказался от университета. Учась в гимназии, он занимался в конторе местного нотариуса, и тот предложил ему у себя место. Прошло шесть лет; нотариус умер, нашлись люди, внесшие за Якова залог, и он стал нотариусом.

За десять лет он успел упрочить свое положение; любимый всеми, он расширил практику, и теперь у него был свой домик и накопленные сбережения.

В то время как Яков упорством и работой добивался самого ценного в жизни – спокойствия и уважения, – Николай метался в поисках своей колеи. Он оставил университет, пробовал быть актером, военным и, наконец, стал писателем. Воображение, искренность и горячее чувство при легкой форме изложения мысли выдвинули его из рядов посредственности, но отсутствие воли, упорства, порывистость натуры мешали ему подняться выше, и он, чувствуя это, нередко терзался, и терзания его, как и восторги, были сильны, необузданны, но мимолетны.

Яков любил брата, как мать любит сына, знал все его слабости и глубоко страдал за него. Теперь внезапное признание брата вызвало в его душе тревогу. Он знал, что у Николая сначала дело, а потом голова, и предчувствие беды сжимало его сердце.

Лодка тихо скользнула почти в уровень с платформою вокзала, мимо гигантского парохода, слегка ударилась носом в настилку пристани и стала. Яхт – клубский матрос принял лодку. Яков надел сюртук, Николай застегнул рубашку, они сошли с пристани и пошли домой.

Небо совсем заволокло тучами, и вдалеке слышались раскаты грома. Зарницы сверкали все чаще.

– Прибавим шагу, – сказал Яков, – сейчас дождь будет.

Буря бы грянула, что ли.

Чаша с краями полна. —

продекламировал Николай...

III

Маленького роста, худенькая, Анна Ивановна Дерунова, несмотря на двадцать пять лет, производила впечатление девочки. Ее большие синие глаза под темными бровями глядели доверчиво и открыто, ее нежное лицо не утратило способности от малейшего волнения краснеть до самого лба; масса рыжих волос, с оттенком светлого золота, ореолом окружала ее милую головку, и когда она склонилась над кроватью Лизы, тихо напевая ей песню слабым голоском, то в своем светлом платье казалась ангелом, слетевшим к изголовью ребенка.

Девочка заснула, прижимая к груди крошечную куклу. Анна Ивановна перекрестила ее, выпрямилась и осторожно вышла из комнаты.

В просторной, светлой столовой, богато убранной солидной дубовой мебелью, на столе уже шумел самовар.

Анна Ивановна заварила чай и села на свое место в ожидании мужа, мечтательно устремив взор в раскрытое окно, за которым чернел сад. Огромное дерево черемухи качало своими ветвями у самого окна, и аромат ее цветов лился в комнату. На свет лампы в комнату влетела бабочка и забилась в предсмертной агонии о фарфор колпака.

Анна Ивановна сидела недвижно. Майская ночь со своею чарующей прелестью наполняла ее сердце волнением. О, с какою охотою она вырвалась бы из этих больших комнат, прижала бы к груди своей крошечную Лизу и побежала бы далеко – далеко по степям, через лес, через горы, дальше от всех этих лживых и грубых людей. Впрочем... и тут ее лицо вспыхнуло... кроме одного. Этого одного она любила и любит, но... она не должна даже думать про него. Это грех! И она тяжело вздохнула, обгоняя от себя весеннюю грезу, и сердце ее сжала тоска. Она поднялась, чтобы пройти в свою комнату за книгой, но в это время раздался резкий звонок, и она опять опустилась на свое место. Щеки ее побледнели, глаза затуманились, и лицо приняло покорное выражение.

В комнату вошел ее муж, Семен Елизарович Дерунов, тот самый, который час тому назад беседовал с Захаровой в сквере, и, молча кивнув жене головою, сел у другого конца стола.

Анна Ивановна взяла стакан, налила в него чаю и нажала кнопку звонка. В комнату неслышно вошла горничная.

– Подайте барину, – сказала Анна Ивановна, указывая на стакан.

– И принеси мне из кабинета вечернюю почту, – прибавил сам.

Горничная исполнила поручения и безмолвно удалилась. Дерунов придвинул к себе несколько писем, вынул из кармана перочинный ножик и, аккуратно вскрывая им конверты, медленно стал прочитывать письмо за письмом, изредка прихлебывая из стакана, причем острый нос его словно клевал в него.

Анна Ивановна пила из крошечной чашки, с нетерпением ожидая минуты, когда нальет второй стакан мужу и, тем закончив свои обязанности, уйдет в свою комнату и останется одна со своими мечтами. В столовой царила тишина, прерываемая только жалобной песней самовара.

Семен Елизарович допил стакан и дочитал письма. Анна Ивановна снова позвонила, снова явилась горничная и, исполнив свою обязанность, удалилась.

Анна Ивановна вздохнула с облегчением и хотела встать из-за стола, когда муж вдруг остановил ее словами:

– Я хотел поговорить с тобою!

Она молча опустилась на место. Прошло несколько мгновений.

Семен Елизарович отодвинул письма, взял обеими руками стакан и, устремив свои маленькие глаза на жену, заговорил:

– Я узнал неприятную новость. Оказывается, этот молодой Долинин, что приехал сюда (Анна Ивановна вздрогнула и опустила голову) когда-то был влюблен в тебя, и чуть ли не взаимно. Я ничего не слыхал об этом от тебя. Правда это?

Анна Ивановна подняла голову и взглянула на своего мужа вспыхнувшим взглядом.

– Правда! – ответила она. – Что же из этого? Если я не говорила тебе об этом, то только потому, что ты никогда этим не интересовался. Тебе не было дела до моего прошлого, ты не поинтересовался даже спросить меня, по любви ли я иду за тебя. Теперь ты спрашиваешь, и я отвечаю: правда! Но что из этого?

Глазки Семена Елизаровича сверкнули злым огоньком, острый нос на лице прижался к губе, что означало улыбку, и он ответил:

– Из этого – одно: ты должна прекратить сношения с этим молодцом. Я, ничего не подозревая, принял его у себя в доме, а в городе шушукуются и говорят всякую мерзость. (Анна Ивановна покраснела до корней волос.) Я могу и даже вправе не желать этого, и тебя не должно удивлять мое нежелание быть предметом сплетен. Ты напишешь ему (она сделала жест рукою)! Да! Напишешь сама, – подтвердил Семен Елизарович, – чтобы он забыл дорогу в наш дом, а для прекращения сплетен послезавтра уедешь на дачу. Покуда в сад...

Он замолчал и стал пить остывший чай. Анна Ивановна сидела молча, опустив голову.

– Ты чего же молчишь? – спросил он резко. Она подняла на него глаза.

– Что же мне отвечать? Хорошо, я напишу ему и перееду в сад, – ответила она тихо.

– И отлично! Я же, вероятно, поеду на месяц в Петербург, а вернувшись, переедем уже на дачу, – сказал он, и нос его опять прижался к губе.

Анна Ивановна встала и тихо вышла из комнаты. Семен Елизарович пытливо посмотрел ей вслед и с усмешкой сказал вполголоса:

– Поди, считает себя жертвою, а была нищей, когда я ее взял!

За его спиной послышался легкий кашель.

Он быстро оглянулся. За его стулом, в довольно развязной позе, стоял его лакей и наперсник Иван.

Лицо его было, несмотря на правильные черты, неприятно. Только долго всматриваясь в него, можно было увидеть, что это неприятное выражение получается от неморгающих век. Ему было на вид лет тридцать; вниз опущенные рыжеватые усы делали лицо его угрюмым.

Служил он у Дерунова лет десять, и прислуга рассказывала, что раньше он был шутник и балагур, но однажды его невесту, горничную Деруновой, вытащили из пруда, что в саду, мертвой, и с того времени исчезла веселость Ивана.

Барин же с того времени словно полюбил его еще сильнее, увеличил жалованье и приблизил к себе.

– Что скажешь? – спросил Дерунов.

Иван шагнул ближе.

– Пришла барыня под вуалем, – вполголоса сообщил он, – просила доложить.

– Высокая? – спросил Дерунов.

– Они были позавчера у вас, – пояснил лакей.

– Проси в кабинет и зажги там свечи. Я сейчас.

Он неторопливо допил свой чай, собрал письма и поднялся. Лицо его вдруг приняло холодное, хищное выражение.

Когда он вошел в кабинет, высокая, стройная женщина порывисто поднялась ему навстречу. Он спокойно поздоровался с нею и, сев в кресло у своего письменного стола, сухо спросил:

– Принесли?

– Нет, – глухо ответила она, – но, Семен Елизарович, если вы...

– Эх! – грубо перебил ее Дерунов. – «Если вы, если вы!» «Это я слышал уже десятки раз! Я не так богат, и потом, чего вы так волнуетесь? У вашего мужа есть деньги, слава Богу, и если он ставил свой бланк...

– Бога ради! – с отчаянием воскликнула женщина, отбрасывая вуаль. Ее красивое лицо исказилось страхом. Она нагнулась к Дерунову, протягивая ему руки.

Дерунов откинулся к спинке кресла.

– У меня нет таких средств, чтобы бросать пятнадцать тысяч, – сказал он.

– Перепишем, – умоляюще произнесла молодая женщина.

Дерунов засмеялся сухим резким смехом.

– В третий раз! И опять с бланком мужа? Да, скажите на милость, для чего он тешится этими бланками?

Молодая женщина закрыла лицо рукою.

– Не терзайте меня! – проговорила она. – Вы знаете...

Дерунов вздернул плечами, отчего вся его фигура изобразила знак восклицания.

– Вот терзания и кончатся. Сегодня вторник... – произнес он насмешливо. – Так послезавтра, в четверг, я их и опротестую. Я подождал бы, но в пятницу должен ехать. До четверга! – и он резко встал с кресла.

Молодая женщина побледнела.

– И это последнее слово?

– Последнее!

Она накинула вуаль и, едва кивнув ему головою, скорее выбежала, чем вышла из кабинета. До него донеслось рыданье.

– Счастливой дороги! – вполголоса произнес он, нажав кнопку звонка, после чего снова сел к столу и стал заниматься, справляясь со своей записной книжкой, щелкая на огромных счетах и что-то замечая на листе бумаги.

А в это время Анна Ивановна окончила письмо к Долинину, загасила свечу и села у окна, устремив взор на покрытое тучами небо, на котором сверкали зарницы.

Письмо в пять строк, а какого труда, какой мучительной боли стоило написать его. У нее отняли друга, и теперь она одна, совсем одна. В темноте ночи никто не увидит, что глаза ее полны слез и что они медленно катятся по ее щекам.

В ее душе было так же темно, как в небе, только там сверкали зарницы... А у нее?..

Зачем он приехал?.. Он сразу смутил ее душу, нарушил покой, который она с таким трудом водворяла в своей душе. Долг, долг, долг! Она повторяла это слово и утром и вечером и приучила себя к нему, как наездник приучает коня к щелканью бича. И вдруг он явился, и вся эта баррикада рухнула и своими обломками готова раздавить ее сердце.

А теперь это письмо! Но это, может быть, к лучшему. Не видя его, она снова станет повторять свое заповедное слово, которое уже готова была забыть, – и победит, разбив свое сердце...

Она вздохнула. Сверкнула ослепительная молния, и по небу прокатился гром. Она встала, закрыла окно и в темноте начала молиться: «Господи, пошли мне силы идти, не спотыкаясь, моей дорожкой, пошли мне силы исполнить клятву, данную пред Твоим святым алтарем».

Молитва успокоила ее. Она снова зажгла свечу и стала укладываться спать. Спустя час в спальню вошел муж. Она быстро отвернулась к стене, и он услышал ее глухой голос:

– Я написала письмо. Вон оно, на столе!

Дерунов взял листик бумаги, приблизил его к свече и внимательно прочел.

– Больше ничего не надо, – сказал он, кладя листик на стол, – конверт надписала? Отлично! Завтра я запечатаю его и pošлю по адресу.

И он стал медленно раздеваться, методично складывая на стул свою одежду.

В эту минуту снова сверкнула молния, и почти тотчас сухим раскатом прокатился гром. Из детской донесся плач Лизы. Словно спасаясь от гибели, Анна Ивановна выскочила из постели и бросилась в детскую...

Уже наступило ликующее утро после ненастной ночи, когда она вернулась из детской в спальню, вся дрожа от холода и волнения.

IV

Дама, посетившая Дерунова, была не кто иная, как Елизавета Борисовна, вторая жена Можаяева.

Сам Сергей Степанович Можаяев был одним из уважаемых лиц в городе. Хорошей дворянской фамилии, богатый домовладелец, хозяин огромного имения в двадцати верстах от города, светлого ума и энергичный, он был выбран городским головою уже на третье четырехлетие.

Сергей Степанович был не совсем обыкновенный человек. Окончив Дерптский университет, он увлекся наукою и посетил Йену, Берн и Гейдельберг; вернувшись в Россию, занялся адвокатурою, помещая в то же время в журналах статьи по экономическим вопросам; через пять лет бросил адвокатуру и увлекся электротехникой и, наконец, уgomонившись, вернулся в свою родовую Можаяевку, в родной город, и отдался сельскому хозяйству. Здесь все вокруг занимались изготовлением подсолнечного масла, причем стволы подсолнухов, столь богатые поташем, бросались как отброс, – он тотчас же стал скупать их и открыл у себя в имении мыловаренный завод; там же он устроил лесопильню и мельницу, а в последнее время, найдя у себя фарфоровую глину, задумывал строить фарфоровый завод.

В этих его начинаниях главным помощником являлся Федор Матвеевич Весенин, технолог, приглашенный им сначала на мыловаренный завод, а потом ставший главным управляющим его имения, директором заводов и мельницы, правою рукою, другом и наперсником.

Маленького роста, сухощавый, но с широкими плечами и развитою грудью, небольшой круглой головою, всегда остриженный под гребенку, с резкими чертами лица, с быстрыми, умными черными глазами и черненькой бородкою клином, он походил на Мефистофеля со своею всегда насмешливой улыбкой. А Сергей Степанович Можаяев представлял собою тип старинного русского барина. Огромного роста, массивный и величественный, с серебряными густыми кудрями до плеч, с седою окладистою бородою и ясными серыми глазами на лице, полном добродушия. Ему было уже 66 лет. Всю любовь своего горячего сердца он отдавал своей второй жене и дочери от первого брака, Вере Сергеевне, восемнадцатилетней девушке.

Она была вся в отца, но в ее фигуре, манерах, даже костюмах, сказывалась английская складка, оставленная ей матерью. Посторонним она казалась сдержанной, холодной, чопорной, но это не мешало биться в ее груди горячему сердцу; в разговоре она казалась не по летам рассудительной, но это не мешало ей мечтать и уноситься в фантастических грезах в неведомые миры; к окружающему она относилась внешне равнодушно, но на самом деле замечала любую мелочь; и мнение общества о ней горячо опровергала прислуга, зная, что в случае беды можно смело попросить защиты или совета у милой барышни.

Выйдя от Дерунова, Елизавета Борисовна перешла улицу, подошла к ожидавшему ее, видимо, молодому господину и, взяв его под руку, увлекла в ближайший глухой переулок.

– Мы пропали, – сказала она глухим голосом. – Он обещал в четверг протестовать, и, как нарочно, в четверг мы переезжаем. Я совершенно теряюсь. Если ты ничего не придумаешь, я убую себя... отравлюсь!

Он, словно в испуге, прижал к груди ее руку.

– Только не это, – сказал он, – подумаем...

Она пожала плечами.

– Что придумать? У нас нет денег! Я просила, умоляла его...

– Ну?..

– Он сказал, что подаст в четверг... и был груб!.. – она передернула плечами и замолчала.

В возбуждении они шли так быстро, что редкие прохожие обращали на них невольное внимание, но они не замечали никого и ничего.

Сворачивая с улицы в улицу, они вышли к Волге и вдруг очутились на задворках дома Можаяева. Елизавета Борисовна подняла на своего спутника почти безумный взгляд.

– Видишь, – сказала она дрогнувшим голосом, – от судьбы не уйдешь!

Он, погруженный в мысли, не обратил внимания на ее слова. Вдруг лицо его просветлело. Он освободил руку и стал против Елизаветы Борисовны.

– Слушай! Если переписать вексель, то процентов надо, ну, положим, за год... – он поднял голову кверху, словно желая сосчитать количество их по звездам, но, не увидя их за тучами, опустил голову и сосчитал по пальцам. – Мы платили ему пятнадцать. Значит, две тысячи две-сти пятьдесят рублей. Соберем эти деньги.

Она с отчаяньем махнула рукою.

– Я же просила. Он не хочет слушать!..

Но он схватил ее руку и, крепко сжимая, сказал с уверенностью:

– Я пойду! Не бойся. Ведь он про тебя догадывается, это ясно. Я приду к нему как чиновник от губернатора с внушением, и он подумает, что ты открылась губернатору и тот меня послал, и – согласится. Согласится непременно! – воскликнул он и даже засмеялся. – Заплатим, перепишем, а там...

Она согласно кивнула головою, но тотчас ею овладела тревога.

– Где мы возьмем столько денег?

Но ее собеседника, видимо, охватило оптимистическое настроение.

– Пустяки! Я достану шестьсот рублей да вещей наберу на двести. Вот восемьсот. Достань остальные!

Она решительно потрянула головою.

– Завтра пришлю тебе! – и в порыве радости обняла его. – Милый, как я люблю тебя! Ах, если бы не эти деньги, эти проклятые деньги, которые связали меня преступлением! Но когда я подле тебя, мне все равно. Иногда я хочу, чтобы меня судили.

– Лиза! – воскликнул он, не на шутку пугаясь.

– Да, хочу! – прижавшись к нему, страстно продолжала она. – Я бы тогда рассказала свою жизнь. Сказала бы, как меня уговорили выйти за него, как я томила от его ласк, не находя в себе для него ни одного доброго слова, чувствуя себя оскорбленной, как раба, которую купили на рынке. Ах, Иван, если бы он был груб и жесток, развратен и глуп, я бы меньше ненавидела его. Да! И потом я бы рассказала, как встретила тебя и полюбила.

– Тсс! – испуганно остановил он ее. – Ты не понимаешь, что говоришь! Нас могут слышать! Мы подле изгороди, вдруг у вас в саду кто-нибудь гуляет!

– Пусть! – сказала она упрямо. – Все равно они узнают про это рано или поздно. А ты? Ты разве отступишься?

Он побледнел, но в темноте она не увидела его лица.

– Нет!

– Так чего мне бояться! – сказала она.

– Однако нам грозит опасность. Бросим фантазии, милая, иди домой и приготовь завтра деньги. Смотри, приближается гроза. Я провожу тебя!

Он нежно поцеловал ее, разнял ее руки и, взяв одну под свою руку, повел к дому. Они поднялись по крутому откосу.

– Иди! – сказал он, еще раз целуя ее.

В это мгновение ударил гром и гулко покатился по небу. Тяжелые капли упали на землю.

– Торопись! – сказал он.

– До свидания, милый! – Она быстро пошла, и он видел, как она скрылась в подъезде. Тогда он раскрыл зонтик и медленно, под проливным дождем, пошел в свою холостую квартиру, думая о Елизавете Борисовне, связь с которой и тяготила, и пугала его, и в то же время

привлекала вспышками безумной страсти, во время которых он, слабый и безвольный, чувствовал себя полным энергии и жизни.

Елизавета Борисовна незаметно скользнула к себе в будуар, только горничная да швейцар знали об ее кратковременной отлучке. В это время в столовой был уже накрыт легкий ужин. Весенин с утра приехал из имения на велосипеде и почти все время сидел в кабинете с Сергеем Степановичем, обсуждая, по – видимому, что-то важное.

Вера сошла в столовую и, заварив чай, задумчиво опустила головку на руку. Ее заставил очнуться веселый голос Весенина:

– О чем задумались, барышня?

Она вздрогнула, но, увидев Весенина, улыбнулась. Он сел за стол, недалеко от Веры, и с ласковой улыбкой выжидательно глядел на нее. Она вспыхнула.

– Вы засмеетесь, когда я вам скажу.

– А вы скажите!

– Ну... – девушка замялась, – вот у нас гроза бушует, мы в защите и покое, а там бедные женщины и дети жмутся друг к другу в непокрытых избах!.. – Она густо покраснела. – Вот вы и смеетесь!

Весенин действительно улыбался, но на ее упрек покачал головою.

– Я улыбаюсь, глядя на вас и радуясь. Когда я приехал к Сергею Степановичу, вы ходили еще в коротком платьице, при вас была мадемуазель и вы числились в шестом классе, – а теперь... красавица барышня!

– Не зовите меня барышней! Что за противное слово.

– Другим словом не выразишь. Ну, девушка! А что до непокрытых изб, Вера Сергеевна, то я не смеюсь! Нет. И мне дороги эти ваши мысли. Только теперь уже это прошло и скоро совсем кончится. Избы мы им покрыли, да и всего восемь дворов было раскрыто, хлеб они уже засеяли, а пока берут от нас задатки и кормятся.

– А тиф есть?

Весенин слегка поднял плечи.

– Это есть, хотя и не так сильно, как в других уездах.

– Мне можно будет помогать им?

– Тифозным? Нет. Там и доктор, и фельдшер, и сестра, но если вы хотите работы в деревне – у нас всегда ее достаточно.

– И вы мне поможете? – глаза Веры заблестели. Весенин радушно засмеялся и кивнул головою.

– А пока вы мне за это стакан чая. Вот и папаша идет!

– По рюмке водки сперва! – сказал Сергей Степанович, входя и садясь к столу.

– Можно!

Весенин налил водку, и они выпили.

– Так вы завтра же к Долинину, – заговорил Можаяев, беря с блюда кусок рыбы, – и уж постарайтесь к его приезду все оборудовать.

– Да уж устроим!

– То-то! А там и за работу! – Он с оживлением заговорил о будущей фабрике. Весенин поддерживал беседу, отвечая на всё его вопросы четко, быстро, но со своею неизменной усмешкою, которая скользила по его губам.

Вера налила чай и не столько слушала, сколько смотрела на собеседников. Она глубоко уважала обоих, считая их самыми умными и самыми честными из всех окружающих людей.

Весенин давал ей первые книги, отец выучил ее уважать человеческое достоинство, невзирая на сословные предрассудки. В их ясных, практических умах было столько поэзии, и широта их взглядов была так очевидна, что Вера издавна всех литературных героев соизмеряла с ними.

Она совершенно углубилась в свое созерцание, так же как отец с Весениным – в разговор, когда вдруг до ее плеча дотронулась рука ее мачехи. Она вздрогнула от неожиданности и, быстро встав с места, пересела на другой стул.

Елизавета Борисовна опустилась на хозяйское место, и, казалось, ничто не изменилось за этим столом. По крайней мере, когда Весенин попросил еще стакан чая, он ничуть не изумился, увидев вместо Веры ее мачеху...

V

Ясный жаркий день сменил грозовую ночь.

Было двенадцать часов, и город казался вымершим. Служащие люди сидели в кабинетах, в конторах, в присутствиях, прочий люд прятался от жары.

Сразу нельзя было разобрать, к какой категории населения принадлежал Антон Иванович Грузов. Внешность его была довольно забавна: когда он сидел, он казался человеком небольшого роста, но стоило ему встать, как поражал ростом чуть не великана, так длинны были его ноги в клетчатых брюках. Лицо его было бы обыкновенно, если бы не огромный красный нос и не вытаращенные глаза, глядевшие с некоторою назойливостью.

Он сидел за столом, заваленным бумагами, в комнате, перегородженной перилами на две половины, и внимательно рассматривал в зеркало ту часть лица под носом, на которой обыкновенно у мужчин в зрелом возрасте всегда есть какая-нибудь растительность; но у Антона Ивановича ее не замечалось вовсе; на подбородке же росли длинные негустые волосы, что при его торчащих ушах и непослушных вихрах на голове придавало ему вид обезьяны капучина.

– Косяков говорит, брей! Что же, я буду кожу бритвой снимать, что ли? – пробормотал он и отшвырнул зеркало, глубоко вздохнув.

Судя по всему, Антон Иванович бездельничал, но если принять во внимание, что сидел он в конторе нотариуса Долинина, у которого состоял письмоводителем, то, очевидно, он был занят, так как находился на службе.

В это же самое время Долинин с братом сидели в столовой и завтракали.

Николай говорил брату:

– Я начинаю оживать. Сегодня утром я чувствовал необыкновенный подъем духа. У меня начинают складываться идеи. Еще немного – и я сяду за роман. Давно уже я не писал, – вздохнул он.

– А стихи? – сказал Яков.

– Ну, это я не считаю! Все равно как фельетоны для «Листка». Разве это писание? Мели, Емеля! В стихах тонкие нюансы любви, в фельетонах – вздор. Роман – только роман!

– Ну, и давай тебе Бог, – с ласковой улыбкой сказал Яков.

– Почта и два с посылными, – горничная положила перед Яковым пачку писем, который внимательно прочел адреса.

– Тебе, тебе, тебе, тебе! – сказал он и, отбросив Николаю четыре конверта, углубился в чтение писем. Николай жадно схватил конверты и вдруг замер. Ровный английский почерк женской руки показался ему знакомым. Он осмотрел конверт. Письмо без марки. «От Ани!» – чуть не сказал он вслух, и сердце его забилося радостью. Он быстро разорвал конверт, но едва пробежал первые пять строчек, как вскочил и с яростью ударил кулаком по столу.

Яков Петрович поднял с изумлением глаза.

– Что с тобою? – спросил он.

– Что? Они почему-то решили меня выгнать отсюда. Читай! – и, бросив брату письмо, он большими шагами стал ходить по комнате.

– «Милостивый государь, – прочел Яков, – Николай Петрович! В силу сложившихся обстоятельств муж мой и я принуждены прервать с вами знакомство. Лично же я прошу вас не искать со мною встречи. Уважающая вас А. Дерунова».

Лицо Якова Петровича вспыхнуло, словно это он получил оскорбительный отказ от дома, но через мгновение прояснилось, и он сказал как бы в раздумье:

– Это все-таки хорошо.

Николай остановился на середине комнаты.

– Что ты видишь в этом хорошего? Я оскорбил ее, их своим присутствием? Я сделал хоть один намек, позволил хоть один взгляд? Я ходил к ней и мучил себя, но без этой муки я не могу жить. Да, не могу! – он топнул ногою и повторил: – Чего же тут хорошего?

– То, – серьезно ответил брат, – что ваши опасные отношения прекращаются сразу. Ты знаешь...

– Ха – ха – ха, – прервал его Николай грубым смехом, – опасные отношения! Ах вы, ханжи! Провинциальные кроты! Опасные почему? По – настоящему она должна его бросить и идти за мною. Да, бросить! У вас тут все опасно, кроме тайного разврата. Лицемеры!

Яков Петрович строго посмотрел на брата.

– Брось фельетонный язык, – сказал он, – да, у нас много и разврата, и лицемерия, но тем дороже для нас чистая репутация, и, пошатнись она, ты не знаешь, с какою яростью набросятся те же лицемеры и развратники терзать ее. А ты готовил Анне Ивановне эту участь. Уже начали ходить сплетни про вас, скверные сплетни... Эх, Коля, перетерпи свою муку. Верь, и ей не легко! – ласково окончил Яков.

Николай тряхнул волосами, как конь гривую.

– Не могу! Ты видишь, как это письмо грубо. Она сама не могла написать его. Ее заставили. Пусть она сама мне это скажет, и я уйду!

– Николай, что ты хочешь?! – воскликнул Яков.

– Идти к ней!

– Но ведь об этом все узнают! Если ее заставили, то только он, и он ее замучает.

– Не убьет же, – нервно ответил Николай и, схватив шляпу, что лежала на подоконнике, быстро вышел. Яков с возмущением посмотрел ему вслед и подумал, отчего этот человек ни разу во всю жизнь не ставил преград своим желаниям, даже прихотям? И тут же обвинил себя...

Николай стремительно пересек контору, почти не заметив Грузова, который радостно его приветствовал, и пошел по узкой аллейке между двумя рядами кустов крыжовника к выходной калитке. Почти у самого входа он встретил одного господина, по фамилии Анохов.

Не будь он так взволнован, он заметил бы смущение Анохова, но теперь только мысль о свидании с Анной занимала его ум.

Анохов сделал попытку скрыться, потом с фамильярной развязностью воскликнул:

– А, Николай Петрович, куда стремитесь?

– Здравствуйте! По делу! – не замедляя шагу, ответил Николай.

Он не шел, а бежал, пока не увидел собора, а за ним кривую Покровской улицы. Здесь он вдруг приостановился. Что он будет говорить с нею? Как? Если действительно это ее письмо, ее желанье, тогда что? Он ни разу не коснулся прошлого, и, как знать, может, он ей противен?

Краска залила его лицо, но вдруг он увидел каменный домик с зеленою крышей, и самообладание покинуло его. В несколько шагов он очутился у крыльца и позвонил. Иван отворил ему дверь и, взглянув на него, сурово усмехнулся.

– Барыня дома? – спросил Николай.

– Дома – с! На веранде! – ответил Иван. «Очевидно, прислуге ничего неизвестно», – подумал Николай, но если бы он обернулся и увидел недоброе лицо Ивана, смотрящего ему вслед, он бы изменил свое мнение. Он быстро прошел пустой холодный зал, столовую и остановился в гостиной, замирая от волнения.

Через раскрытое окно он увидел ее, буквально в пяти шагах от него сидящей на дачном кресле. С книгой на коленях она устремила вдаль мечтательный взор. Нежный профиль ее лица казался нарисованным, золотые волосы короной венчали ее голову; светлое платье плотно облегло ее фигуру подростка, и если бы ее сейчас увидел художник, он нарисовал бы картину под заглавием «Мечта». Кругом было тихо, из глубины сада доносился голосок Лизы.

Николай стоял как прикованный к месту. Нет, не «Мечтой» художник назвал бы картину, а «Грустью». Действительно, пристально всматриваясь в лицо молодой женщины, Нико-

лай заметил горькую складку подле губ; увидел, как дрогнули ее ресницы и слеза тихо скатилась по щеке.

Он порывисто толкнул дверь на веранду.

Анна Ивановна выпрямилась в кресле; глаза ее устремились на него со страхом. Лицо побледнело, но через мгновение его залил румянец.

– Вы?! – произнесла она растерянно.

Николай, взволнованный, подошел к ней; лицо его пылало, голос дрожал; он судорожно мям в руках шляпу.

– Я! – ответил он. – Я сейчас получил от вас письмо и хочу знать, по своей воле вы написали его или нет?

Она не произнесла ни звука. Он подошел ближе и продолжал торопливо, сбивчиво свою речь:

– И все равно, если даже сами! Я пришел проститься, потому что не могу же я так уехать и не повидать вас! Не сказать ни слова. Нет, если так... я хочу все сказать, что еще не вылилось у меня с пера. Вы ведь читали меня? Вы знаете, вы одна знаете, чем болит моя душа... и вот...

Анна Ивановна встала и взялась рукою за свою грудь.

– Остановитесь! – сказала она умоляюще. – Я не должна, я не смею слушать. Бога ради!..

В голосе ее послышались слезы. Сердце Николая защемило. Ах, он бы хотел теперь упасть к ее ногам и плакать!

Она оправилась, но голос ее дрожал, когда она заговорила.

– Вы были так добры, когда мы снова с вами встретились, что я успокоилась. Я боялась встречи с вами, но потом оценила вашу деликатность, и мне дорого было ваше общество. Мне казалось, вы понимаете меня и помогаете мне нести мой крест, и мне было легко с вами. Но... люди злы... нашлись, которые вспомнили старое, и мы должны расстаться... Не мучайте же меня! Помогите мне до конца исполнить мой долг!

Кровь кинулась в голову Николая. Он резко топнул и заговорил с горечью:

– Долг! Глупое слово, жупел, придуманный для трусливых людей! Почему это долг? А то, что диктует сердце, – чуть не подлость? Почему вы, я должны страдать, а какой-нибудь желчный пузырь, моща Кашея, наслаждаться? Вы – подчиняться, он – властвовать? Он?! Которого надо по – настоящему раздавить, как гадину!

Она протянула, словно защищаясь, руку, он же порывисто продолжал:

– Долг! Почему это долг? Кто предписал эти законы? Их выдумали господа для рабов, чтобы те легче переносили свист бича. Но все равно! Я хоть скажу теперь вам все, чем болит мое сердце...

– Николай! – произнесла она умоляюще.

Лицо его вдруг осветилось. Он приблизился к ней.

– Николай! – повторил он. – Как говорила ты это раньше... Я мог отвечать тогда: Аня! Ах, для чего прошло это время! Но я люблю тебя; через всю жизнь одну тебя. Никого, кроме тебя! Увлечения туманили мою голову, я падал, но едва вспоминал тебя, поднимался, и силы росли во мне. Нет, мой гений, мое счастье, скажи, ты думала обо мне? – он уже взял ее руки, отнял их от ее лица и всматривался в ее синие, полные слез глаза.

Она замерла и слушала его как в полусне, и по лицу ее струились неудержимые слезы.

– Зачем ты плачешь? – шептал Николай, приближая к ней свое лицо. – Скажи мне, ты не забыла меня? Любишь? Как могла ты выйти за него?

Они соприкоснулись лицами.

– Милый, всегда, всегда...

Он порывисто обнял ее, но в эту минуту раздался крик девочки.

– Мапочка! Милая!

Николай отпрянул. Анна Ивановна вдруг словно опомнилась и гневно взглянула на него, словно обвиняя его в своей слабости.

– Мамочка! – кричала Лиза. – Там жук! Большой! Поди сюда! – она вбежала на веранду и, увидев Николая, на миг смутилась. Анна Ивановна нагнулась и страстно обняла девочку. Потом, выпрямившись, она взяла ее за ручку и сказала:

– Ну, где жук? Пойдем! Покажи мне его!

Сходя с веранды, она обернулась к Николаю.

– Прощайте! – сказала она ему сухо. Николай стоял как пораженный громом.

Вон она, вся облитая светом, движется по дорожке сада, а подле нее вприпрыжку бежит ее дочь. Вот она скрылась за поворотом и ни разу, ни разу не обернулась.

После всего, что было только минуту назад, и – «прощайте!».

Он вдруг засмеялся и бросился прочь из дома.

Лицо Ивана озарилось мрачной усмешкой, когда он увидел бегущего через комнаты Николая. Он предупредительно распахнул дверь и проводил Николая взглядом, который шел по самому солнцепеку со шляпою в руке, неистово махая руками.

– Вы это откуда? – окликнул его хриплый голос. Николай остановился и увидел Дерунова.

– Вам что за дело? – резко ответил он, еле сдерживаясь. – И как вы смеете заговаривать со мной, вы, который...

Дерунов невольно отшатнулся от него.

– О, о, о, – смог только произнести он и поспешно отошел от Николая. Тот в безумии потряс ему вслед кулаком.

Иван не успел еще затворить дверей и впустил своего барина. Дерунов, торопясь, сбросил с себя пальто, шляпу и прошел в комнаты, а оттуда в сад. Встреча с Николаем не испортила его хорошего настроения.

Он застал в саду жену и дочь, рассматривающих жука, и весело поздоровался с ними.

– Кто был? – спросил он.

Анна Ивановна опустила голову.

– Николай Петрович!

– А! – Дерунов засмеялся скрипучим смехом. – За словесным подтверждением? Ну и отлично, отлично! – Немного помолчав, он добавил: – Завтра едешь и я тоже. Ты покуда в сад, а потом собирайся!

Он повернулся и прошел прямо в кабинет, где присел к письменному столу.

Через несколько мгновений он вызвал лакея и протянул ему конверт.

– Отнесешь Елизавете Борисовне Можяевой. Лично в руки! Понял?

Дерунов закурил сигару и прилег на диван. Мечты создавали ему сладострастные образы...

Николай шел не разбирая дороги, весь отдавшийся вихрю беспорядочных мыслей. То ему казалось необходимым немедленно уехать, то снова увидиться с Анной, объяснить с ней и убедить ее бежать; мысль, что она его любит, вдруг заставляла его счастливо улыбаться, а затем лицо его искажалось злобою, и он сжимал кулаки, вспоминая встречу с Деруновым.

– Куда летишь? – остановил его вдруг на дороге Силин, брат Анны Ивановны, товарищ Николая по гимназии. Он был в чесучовом костюме и широкой соломенной шляпе.

Николай на мгновение очнулся.

– А, это ты! – сказал он рассеянно. – Здравствуй!

– Да что с тобою? – удивился Силин. – Словно не в своем уме. Ты послушай, что я скажу тебе. Катю Морозову знаешь?

– Пусти! – рванулся от него Николай.

– Вот чудак! – сказал Силин. – Ну, беги. Зайди вечером к сестре. Она уезжает, – крикнул он вслед.

Николай быстро повернул назад и в свою очередь взял Силина за рукав.

– Куда? – спросил он.

– В сад! – беспечно ответил Силин. – Ирод ее приказал ей завтра же ехать. Немедля! Мне велел прийти проводить ее. Самому, вишь, некогда. В Петербург едет! А знаем мы, что это за поездка!

Николая словно закружил вихрь.

– Что знаешь?

Силин засмеялся.

– Захарова, бухгалтера, знаешь? – спросил он.

Николай кивнул.

– Ну, так с его женой едет. Вертлявая бабенка, ну, а он любит...

– Мерзавец! – крикнул Николай. – Я бы убил его! – И, оставив в недоумении Силина, он быстро пошел к реке. Но на пути ему попался Захаров. Терзаемый ревнивыми подозрениями, он раньше срока возвратился со службы.

Оба взволнованные, они рассеянно поздоровались друг с другом.

– Гулять идете? – спросил Захаров.

– Гулять!

– А я жену провожать. По Волге прокатиться хочет.

– Завтра едет? – спросил Николай и зло усмехнулся.

Захаров побледнел.

– Завтра? – растерянно сказал он. – Я и сам не знал. Вы откуда это?

– Дерунов завтра едет! – грубо сказал Николай и пошел своей дорогой.

Захаров схватился за голову, потом топнул ногою и быстро побежал к дому. В дверях он столкнулся с рассыльным.

– Тебе чего? – спросил его Захаров.

– Письмо вот; госпоже Захаровой из банка.

Захаров жадно схватил письмо.

– Я передам!

Рассыльный замялся.

– Мне наказывали...

– Молчи! – остановил его Захаров и стал рыться в кармане. – Вот тебе, скажи, что ей передал. Иди! – он сунул в руку рассыльному ассигнацию и быстро рванул звонок. Рассыльный с удивлением посмотрел на деньги, на барина и быстро повернулся назад, зажимая деньги в руке, словно боясь, что его вернут.

Луша отворила дверь ипустила барина.

– Кто? – крикнула из комнаты Екатерина Егоровна и поспешила скрыть охватившее ее разочарование при виде мужа.

– Ах, это ты! – сказала она. – Отчего так рано? Обедать сейчас или подождешь? А я спала все время! Вот жара сегодня; ночью, верно, опять гроза будет!..

Она болтала, чтобы скрыть свою досаду, и, наконец, совершенно сбита с толку его молчанием, спросила:

– Ты какой-то расстроенный? Нездоров?

– Нет, здоров совершенно! С обедом подожди! – ответил он жене, не смотря на нее, прошел в кабинет и запер дверь.

Предчувствие беды охватило Екатерину Егоровну. Она прижалась, глазом к замочной скважине, но ключ мешал ей видеть комнату.

Захаров бросил письмо на стол и несколько раз прошелся по кабинету. В письме – конец его мучениям и, может быть, смерть. Он остановился. Наверное, смерть!

Что иначе значил намек Долинина?

Он решительно подошел к столу, разорвал конверт и бегло пробежал глазами. Подпись: «Целую тебя».

Он перечитал письмо снова: «Радуюсь, что твой дурак согласился. Вечером приходи к своей матери; я передам тебе билет. Там же объясню маршрут. Целую тебя», Захаров тяжело опустился на стул. Разве после этого могут быть сомнения? Смерть! Смерть!

В дверь постучали.

– Обед подан! – раздался голос жены.

Его затрясло. Если он взглянет в лживые глаза этой распутницы, он убьет ее.

– Я не буду обедать, – ответил он глухо и, перейдя к дивану, лег на него. На миг он потерял сознание.

Вспомнилась ему его беззаветная любовь к ней, и стало жалко этой поруганной любви. Именно поруганной. Полюби она другого – было бы легче. Здесь же не может быть и речи о любви. Он стар и безобразен, но богат. Она продалась, продалась, как распутная... Он застонал, схватившись руками за голову.

– Сеня! – послышался тревожный голос за дверью.

– Уйди! – почти простонал он, похолодев от ужаса при мысли, что он должен ее увидеть, что это неминуемо.

– Только не теперь, не теперь, – пробормотал он как безумный, и вдруг нелепая мысль мелькнула в его голове. Он надел шляпу, для чего-то сунул в карман револьвер, лежавший в столе, и осторожно вылез из окна. Крадучись, как вор, он обошел палисадник и почти бегом пустился к берегу Волги.

– Что с нашим барином? – с тревогой говорила Екатерина Егоровна, смутно чувствуя беду. Луша сокрушенно покачала головой.

– Надо полагать, приметил что, – сказала она шепотом.

Екатерина Егоровна вздрогнула.

– Но ведь мы вчера помирились?

– А сегодня накатило, – объяснила Луша, – или, может, опять что подозрительное под-вернулось!

Екатерина Егоровна беспокойно стала ходить по комнате. Тишина в доме пугала ее.

«Господи, хоть бы он крик поднял!» – думала она, с тоскою и страхом взглядывая на запертую дверь кабинета...

Наконец она не выдержала этого напряженного состояния, бросилась в спальню и через минуту вышла оттуда с накидкой на плечах и в шляпе.

– Луша, – сказала она, – я не могу больше мучиться. Если он спросит про меня, скажи, что я ушла к матери!

Луша вздохнула и сочувственно кивнула головой.

VI

Гром среди ясного неба не поразил бы так Елизавету Борисовну, как поразила неожиданная записка от Дерунова.

Сухим официальным тоном он извещал ее, что в среду вечером, то есть сегодня, он занесет векселя Долинину для протеста на завтра, потому что дела заставляют его немедленно, рано утром в четверг, выехать в Петербург.

Елизавета Борисовна собиралась сделать прощальные визиты и теперь сидела одетая, с отчаянием на лице, держа на коленях злополучное письмо.

Из гостиной слышались тяжелые шаги; Елизавета Борисовна едва успела спрятать письмо, как в комнату вошел Можаяев.

– Что с тобой? – спросил он с тревогою. – Ты такая бледная.

Она сделала попытку улыбнуться.

– Сейчас пройдет. Вдруг закружилась голова. Это, верно, еще вчерашнее.

– Ты бы прилегла, – участливо сказал Можаяев, но она порывисто встала.

– Нет, нет! Я выйду и освежусь!

– На дворе жара.

– Я рассеюсь на людях... – и она пошла к выходу. Можаяев остановил ее в дверях, обнял и нежно поцеловал ее холодный лоб.

Она поморщилась и, отодвинувшись от него, вышла из комнаты. Он с улыбкою посмотрел ей вслед.

Она торопилась, словно за нею гнались. «Пусть думают, что хотят», – решила она про себя и твердо направилась в канцелярию губернатора.

– Иван Герасимович Анохов здесь? – спросила она швейцара.

– Так точно!

– Вызовите его на минуту.

В грязной комнате приемной с грязной ясеновой мебелью за большим столом сидел чума-зый юноша и яростно водил пером по бумаге; на скамьях вдоль стен сидели несколько человек. Толстый, краснолицый купец икал, приговаривая: «О Господи Иисусе!» Старая женщина свистящим шепотом передавала что-то своему соседу, юркому господину в изношенном пиджаке, и тот сочувственно кивал ей лысой головою.

Елизавета Борисовна нетерпеливо ходила взад и вперед по комнате, и, когда в дверях показался Анохов, она порывисто подошла к нему. Все присутствующие встали и тоже двинулись к нему гурьбою, но он замахал на них руками.

– Потом, потом, – сказал он и обратился к Можаяевой с тревожным шепотом: – Ты зачем? Принесла деньги?

– Вот! – она взволнованно подала ему письмо.

Они отошли к окну, в глубь комнаты. Анохов внимательно прочел письмо, и лицо его побледнело, но через мгновение он пришел в себя.

– Будь покойна, – сказал он решительно. – Я был в конторе Долинина и видел письмоводителя. Он задержит векселя во всяком случае. Только одно: приготовь деньги. Я сегодня же вечером повидаяю его – и... завтра утром... Да, да! – он с беспокойством огляделся. – А теперь иди! Здесь неудобно. Что подумают.

Его слова успокоили ее, она улыбнулась. Он, положив письмо в карман, чинно подал ей руку и обратился к остальным посетителям.

Яков Петрович Долинин сидел напротив своего письмоводителя за столом, заваленным бумагами, но делать ничего не мог. Беспокойство за исчезнувшего Николая охватывало его

все сильнее. Он знал его порывистый характер, понимал всю драму его души и в то же время холодел при мысли о встрече Николая с Деруновым.

Звякнул парадный колокольчик. Яков Петрович поспешно встал, думая встретить брата, но вместо него в комнату поспешно вошел Весенин и крепко пожал ему руку.

– Яков Петрович, я к вам!

Долинин дружески улыбнулся ему. Он любил этого подвижного человека, у которого деловитая серьезность сочеталась с веселым открытым характером студента.

– Что могу, все сделаю.

– Да вот, – заговорил Весенин, – Сухотин продает нам свое имение. Прокутился, – пошутил он, – только вся суть в том, чтобы до завтра обработать. Он придет, подпишет, получит деньги – и в Париж! – И Весенин подал связку бумаг. – Главное опись, – продолжал он, пока Долинин перебирал бумаги, – видите, какая огромная, а? А ее до завтра! Мы не постоим за расходами, только кто бы взялся?

Антон Иванович, присутствующий во все время разговора, вдруг вытянулся во весь свой рост и осторожно, журавлиным шагом, подошел к Долинину, засматривая ему через плечо.

– Много, ой – ой много! – тихо приговаривал он, по мере того как Долинин поворачивал листы мелко исписанной бумаги.

– В том-то и дело, – щелкнув пальцами, сказал досадливо Весенин.

Долинин с улыбкою обратился к письмоводителю:

– А небось, – сказал он, – если вас попросить, то вы к вечеру все перепишете?

Грузов погладил рукою воображаемые усы и слегка поклонился, не скрывая торжествующей улыбки.

– Так за чем же дело стало?! – воскликнул Весенин. – Антон Иванович, возьмите, пожалуйста. Сколько это будет стоить?

Грузов улыбнулся еще веселее.

– Если... две краснень...

– Да сделайте одолжение! – и Весенин живо опустил руку в боковой карман, но Грузов жестом остановил его.

– Я, Федор Матвеевич, отлично понимаю вашу душу и знаю, что вы заплатите. До окончания же работы денег брать не желаю!

– Как хотите!

– Ну, вот и улажено, – сказал Долинин и, увидев – в дверях прислугу, прибавил: – А теперь не хотите ли со мной пообедать?

– Какое! – Весенин махнул рукою. – Мне еще в двадцать мест! Ведь завтра все едут в деревню. А вот вечерок я у вас отниму.

– Милости просим!

– Пока всего хорошего! – и Весенин исчез так же быстро, как появился. Долинин посмотрел из окна, как тот легко сел на велосипед и покатился по аллее.

– Ловкая штука! – заметил Грузов. Долинин отошел от окна.

– А вы, Антон Иванович, пообедаете – и за работу! Ну, идемте!

Они прошли в столовую.

За обедом горничная подала Долинину письмо.

Он посмотрел на конверт и поморщился, после чего вскрыл его и бегло прочел записку.

– Держу пари, что от Дерунова, – произнес Антон Иванович с таким видом, словно обнаружил глубочайшую проницательность.

– Да, – ответил Долинин, – просит позволения зайти вечером и оставить у меня какие-то векселя для протеста. Вы уж примите его за меня!

– А – а! Скажите на милость! – проговорил Грузов и поспешно стал глотать горячий суп.

Долинин ел также молча. Беспокойство снова овладело им. Два часа, как ушел брат, и его все нет. Дерунов, наверное, уже вернулся со службы из своего банка и вдруг встретился с ним там, дома!.. При этой мысли Долинин даже откинулся к спинке стула. Горничная убирала тарелки, заменяя их чистыми, уносила кушанья, заменяя их, и Долинин ел все механически, ничего не замечая вокруг. Он и поднялся из-за стола только следом за Грузовым и, когда тот ушел к себе в контору, медленно поднялся по лесенке наверх, в свой кабинет. Это была уютная комната, с широкой софой, большим письменным столом, вся заставленная книжными шкафами. Из нее лесенка в шесть ступенек вела в крытую стеклянную вышку. Долинин занимался астрономией и подолгу просиживал на своей вышке, следя за течением звезд в телескоп или подзорную трубу.

Долинин лег на софу. Сон быстро сморил его, но мысли о брате занимали и сонный ум. Долинин вдруг увидел Николая. Он вошел к нему тихо, бледный, с окровавленными руками, и сказал: «Брат, я убил его. Я не мог осилить своей ненависти!»

Холодный пот облил Долинина. «Что ты сделал?» – воскликнул он в ужасе и вскочил.

– Вам сюда подать чай, барин? – спросила его горничная. Он еще не мог прийти в себя.

– Что? – спросил он, тревожно озираясь.

– Сюда, говорю, подать чай или сойдете? – повторила горничная.

– Брат не вернулся? – поинтересовался он, вспомнив сон.

– Нет еще. Как ушли, еще не вернулись!

– А! – Долинин вздохнул с облегчением. – Чай? – сказал он. – Чай снесите Грузову, а мне подадите потом, когда придет брат или Весенин. Сюда подадите!

И он опять остался один. Знойный день, как и накануне, сменился ненастной ночью. Опять гремел гром и лился дождь, все наполняя угрожающим шумом. Долинину стало жутко. Он зажег лампу. Влетел комар и с монотонным зудением стал биться о горячее стекло. Долинин раскрыл книгу, но не мог читать.

Заскрипели ступеньки. Он поспешно обернулся. Это был Весенин.

– Вот и я, – весело сказал он. – Ну и погода! Ад на дворе. «Шел дождь, и перестал, и вновь пошел!.. «Скажите, что у вас тут делал Анохов? Вы его не видели? Странно! Он все тут вертится. От вас ехал – его встретил, теперь опять. Что вы такой бледный?

Весенин, видимо, был оживлен.

– Я? – ответил Долинин, откладывая в сторону книгу и вставая, чтобы подать Весенину руку. – Удивительно! Я не нервный вообще, но сейчас меня встревожил сон.

– Что за сон?

Долинин покачал головой и серьезно сказал:

– Никому не расскажу его, но долго не забуду. Вы верите в пророческие сны? – хрипло спросил он.

– Верю ли? – Весенин сел и закурил папиросу. В это время служанка внесла чай. – Видите ли, с другим бы я на эту тему позубоскалил, но с вами это неловко. Вы человек серьезный, – он улыбнулся. – Лично я реалист и по складу ума, и по образованию, и толковать свои сны не стал бы, но в то же время не смею отрицать пророческие сны, а потому... просто избегаю думать об этих материях.

– Я сам не верю в пророчества, но бывают ужасные сны!

Долинин провел рукою по лицу, будто смахивая кошмар.

– Вы поэт и достаточно взволнованны, – участливо сказал Весенин, – бросим эту тему и поговорим о живом деле. Я хотел бы до времени скрыть эту покупку... Главным образом от Дерунова.

Долинин с удивлением посмотрел на него.

– Видите ли... мы его подводим, и он ужасно обозлится. Сухотин ведь у него запутался, и он думает за гроши получить это имение, и вдруг – нос! От этого мы так и торопимся. Вот обозлится-то!

Весенин рассмеялся.

– Это очень злой и мстительный человек, – предостерег Долинин, – он заплатит если не Можаяву, то вам.

– Ге! Что он мне сделает? – Весенин беспечно махнул рукою и потом, немного помолчав, заметил: – Не выношу этого господина, и в то же время жена его мне невыразимо нравится. Глубокая, сосредоточенная натура; вероятно, мечтательница и, несомненно, чиста до святости. Скажите, как такой негодяй мог жениться на такой девушке? Вернее, наоборот: как она могла выйти за него?

Долинин отвернулся, чтобы скрыть невольное свое волнение; затем, окутав себя дымом папиросы, ответил:

– Банальная история: бедность и лишения, больная мать, брат – шалопай, их усиленные просьбы – и к этому случайное легкомыслие человека, любимого ею...

– В экзальтированной головке, – продолжил Весенин, – сложилась мысль о разбитой жизни и явилось желание принести себя в жертву. Как по книжке! – окончил он и потом задумчиво прибавил: – Да, есть такие женщины, которые не успокоятся, пока не принесут себя в жертву! Есть дети?

– Дочь!

– Ну, хоть это ей утешение. Знаете, почему я ею заинтересовался?

Долинин покачал головою.

– Вера Сергеевна очень дружна с нею, и при этом тайно! – Весенин выпустил струю дыма. – Меня заинтересовала эта дружба, и я стал следить за madame Деруновой. И что же? Те же черты. Только Веру Сергеевну не ломала жизнь, она еще не любила и Бог уберег ее от разочарования, она и смелее, и экзальтированнее. Та же вся ушла в себя...

Долинин ничего не ответил. Весенин вдруг оборвал речь и замолк.

Заскрипела лестница. Долинин с тревогою взглянул на дверь и опять был разочарован. Нагнув голову, словно боясь ушибиться о притолоку, в комнату вошел Грузов с кипой бумаги.

Весенин быстро встал.

– Неужели окончили? – вскричал он.

– Все – с! Осталось считать, – улыбаясь, ответил Грузов.

– Вот спасибо-то! Кладите сюда, – указал он на софу, – получайте деньги! Ай да Антон Иванович!

– А как же со считкою? – спросил он, пряча деньги.

– Идите домой, – ответил Долинин, – мы с Федором Матвеевичем считаем вдвоем. Я хочу дождаться брата.

– Они только что вернулись, – сказал Грузов.

Долинин вскочил.

– Когда? Что же он не вошел сюда?

– Сейчас только; промокли все, испачканы. Переодеться, говорят, надо!

Долинин быстро стал спускаться вниз.

Грузов кивнул ему вслед головою и сказал Весенину:

– Как мать родная любит. Не надышится!

– И тот его?

– Тот? Нет. Словно так и быть должно. Одно время денег в Петербург переслал – страсть!

– Почему же он так любит его? – спросил Весе – нин.

– Старший брат, – пояснил таинственно Грузов, – остались сиротами, и он ему вроде как за родителей был. Воспитал, обучил. Не женился из-за него.

Весенин покачал головою.

– Значит, есть такие и мужчины, – сказал он вполголоса.

– Чего – с? – не расслышал Грузов.

– Нет, я сам с собою!

Долинин прошел через темную столовую, гостиную, миновал коридор и остановился подле открытой двери в темную комнату.

– Николай, ты вернулся? – спросил он тревожно.

– Вернулся! – ответил из темноты голос Николая.

– Что ты делаешь в темноте?

– Переодеваюсь. Вымок, выпачкался, ободрался...

– Где ты был?

– На реке, на горах. Везде!

– Придешь?

– Сейчас. Нет, пожалуйста, огня не надо! Не зажигай!

Долинину послышалось в голосе Николая тревожное опасение, что он увидит его лицо.

– Ну, ну! Так придешь?

– Сейчас! – уже нетерпеливо ответил Николай.

– Я велю разогреть самовар и подать поесть!

– Вы идите, – сказал он Грузову, вернувшись наверх, – мы здесь сами прочтем и сверим!

Грузов откланялся и, нагнувшись, осторожно стал спускаться с лестницы. Долинин повеселел.

– Ну-ка, не хотите ли! – сказал он, беря бумаги. – Вот вам оригинал, а я возьму копию. Читайте, а я следить буду! Вы сюда, ближе. Вот так! Начинайте! А тем временем нам соберут ужин!

Он сел за стол и взял в руки перо. Весенин примостился сбоку и начал чтение:

– «Инвентарь имущества в усадьбах и прочих помещениях имения дворянина Я. П. Сухотина...»

– Так! – сказал Долинин.

– «Главная усадьба. Мебель».

В это время в комнату неслышно вошел Николай и молча пожал руку Весенину.

Долинин поднял голову и улыбнулся брату.

– «Зеркалов 18, – читал Весенин, – из них трюмо 3, простеночных высоких 7, туалетных 2 и в ясеневых рамах для прихожей и малых спален – 5».

Николай осторожно прошел на вышку, и, пока Весенин читал, Долинин все время слышал его беспокойные шаги у себя над головою.

Прислуга пригласила их ужинать. Они дочитали последнюю страницу и встали.

– Ну, завтра и к подписи, – весело сказал Весенин, – уж не знаю, как и благодарить вас, Яков Петрович!

– Пустяки! – отговорился тот. – Николай, ужинать!

– Не пойду! – ответил сверху Николай. Долинин смутился. Веселость сразу оставила его, и на лице отразилась тревога.

– Тогда до свиданья! – крикнул ему Весенин. – Я выпью рюмку – и домой!

– Всего хорошего! Я ваш велосипед в переднюю внес.

– Спасибо, жму вашу руку!

Долинин, надеясь, что Николай сойдет проститься с Весениным, не дождался, грустно вздохнул и повел своего гостя вниз.

Весенин торопился. Почти на ходу он выпил рюмку водки, закусил сардинкой и стал прощаться.

– Поди, часа два! – сказал он.

Долинин не задерживал его. Ему хотелось скорее остаться вдвоем с братом.

Весенин зажег у велосипеда фонарь. Долинин раскрыл дверь, придерживая ее, пока тот вывел велосипед.

– У вас аллея-то гладкая? – спросил Весенин.

– Гладкая!

– Ну так до завтра.

– Всего хорошего!

Долинин запер дверь, но не успел дойти и до середины конторы, как резкий звонок заставил его вмиг очутиться снова у двери и быстро распахнуть ее. Перед ним стоял встревоженный Весенин.

– Яков Петрович! Здесь было убийство! – сказал он. – На дорожке труп!

– Дерунова? – глухо спросил Долинин и ухватился за косяк.

Весенин испуганно взглянул на него.

– Пойдемте, взглянем! – он быстро снял с велосипедного руля фонарь и повел Долинина. Намокшая земля скользила под ногами, кусты брызгали водою. Весенин прошел несколько шагов, остановился и дрожащей рукою навел на землю фонарь. Свет ударил ослепительно яркой струей и осветил искаженное лицо Дерунова. Он был без шляпы, с обнаженной головой; страшный удар в висок выбил ему глаз и залил кровью все его лицо; здоровый глаз, широко открытый, с ужасом смотрел перед собою.

Весенин отвел фонарь в сторону и торопливо сказал:

– Я сейчас на велосипеде съезжу в полицию, а вы пришлите дворника приглядеть тут! Я мигом!

Он через мокрые кусты обошел труп и выбрался за калитку.

– Поехал! – крикнул он.

Долинин словно очнулся от охватившего его оцепенения, застонал и, спотыкаясь, побежал в дом. Свеча, с которой он провожал Весенина, погасла. Он побежал впотьмах, не заперев двери, натываясь на мебель и поминутно хватаясь за голову.

Поднявшись к себе, он бессильно упал на софу, но, услышав над собою те же монотонные шаги Николая, быстро встал и крикнул:

– Николай!

Что-то ужасное было в его крике, потому что встревоженный Николай в один миг очутился подле него. Долинин взглянул на него безумным взглядом.

– Дерунова убили, – сказал он глухо, – у нас... в саду!

Николай пошатнулся и схватился рукою за край стола. Мысли его закрутились в бешеном хаосе, но, взглянув на брата, одна ужасная мысль заслонила собою все остальные.

Он выпрямился, в глазах его вспыхнула решимость.

– Брат! – звонко проговорил он. – Клянусь всем святым: это не я!

VII

Вдова жандармского полковника Авдотья Павловна Колкунова, или, как она любила, чтобы ее называли, полковница, жила с» сердцем, полным разочарования», по ее словам, и 60 рублями пенсии. Она когда-то видала свет и потому, сохраняя его традиции, держала себя то величественно, как королева Виктория, то игриво, как придворная дама Наполеона III, то мечтательно – томно; она когда-то считалась красавицей и потому старательно поддерживала это воспоминание всевозможными искусственными средствами, но провинциальная косметика не могла равняться со столичной, и румяные щеки полковницы походили скорее на пораженные экземой, а нежная белизна кожи приняла от времени и скверных белил синеватый оттенок, словно Авдотья Павловна брила себе и нос, и лоб, и все части лица, не тронутые местными румянами.

С тех пор как она выдала свою дочь замуж, жизнь ее обратилась в сплошное удовольствие. Она не отказывала себе ни в еде, ни в нарядах, ни в развлечениях и с чарующей грацией привлекала в свой дом молодых людей, которые были не прочь выпить и поесть у нее в гостиной, но бежали как очумелые при виде ее на улице.

С дочерью она была дружески – ласкова и товарищески – откровенна, и потому, когда Екатерина Егоровна прибежала к ней, расстроенная поведением мужа, она быстро успокоила ее.

Вечером сюда наведалься Дерунов и передал ей билет, инструкции и деньги. Екатерина Егоровна, все еще смутно боясь мужа, осталась у матери ночевать и теперь, после крепкого и спокойного сна, свежая и радостная, сидела за кофеом. Против нее, в покойном кресле, небрежно развалясь и положив ногу на ногу, курила папиросу ее мамаша.

Чарующая красота ее юности не была еще восстановлена, и лицо имело буро – синеватый оттенок, словно не бритое дня три; тонкий нос ее шелушился, под глазами синели круги и длинные тонкие губы были почти черны, прикрывая ослепительно белые зубы петербургской работы. Она была одета в розовый пеньюар, обнажавший когда-то дивные ее руки почти до плеч, – и в этом виде походила более на костлявую смерть, вздумавшую кокетливо принарядиться и закурить папиросу, чем на вдову жандармского полковника.

– Я только не знаю, – говорила Екатерина Егоровна, продолжая разговор, – как мне собраться и сказать мужу об отъезде. Луша не пришла за мною; значит, он меня не спрашивал.

– Пренебреги! – ответила полковница, выпуская дым кверху. – В высшем свете, мой ангел, на мужей не обращают внимания. Они – нуль!

– Но, мама, если он узнал...

– Тем лучше! – и полковница лукаво прищурилась. – Ты уезжай и требуй отдельный вид. Семен Елизарович поддержит тебя. Ты останешься в Петербурге, я приеду к тебе, и мы устроим салон! Ах! – она приняла еще более пленительную позу и предалась мечтаньям. – Мы привлечем к себе всю золотую молодежь. Будем устраивать пикники, гулянья... Я, Катиш, выучу тебя всем тонкостям кокетства, и ты будешь очаровывать! Когда-то я слыла непобедимой; львы были у моих ног.

– Львы, мамаша?

– Ну да, светские львы, глупенькая! – снисходительно объяснила она и вздохнула: – Но твой отец был ревнив и перевелся в провинцию.

В это время в комнату вошла красивая, высокая девушка.

– Тебе что, Феня? – прервала свою речь Колкунова.

– Луша пришла к барыне...

– Луша! – встрепенулась Екатерина Егоровна. – Зови ее сюда! Мамаша, вы позволите?

– Позови ее сюда, Феня, – величественно сказала Колкунова.

Луша тотчас вошла в комнату. Она была бледна и взволнованна.

– Ну, что, Луша? Он зовет? Сердится? – спросила Екатерина Егоровна, нагибаясь через стол.

Луша покачала головой.

– Сидит запершись! – ответила. – Не слышно даже, а Семен Елизарович...

– Семен Елизарович? – удивилась Екатерина Егоровна. – Был?..

Луша опять качнула головой.

– Убиты – с, – тихо ответила она, – сегодня... все в городе говорят!..

Екатерина Егоровна вскочила с искаженным от ужаса лицом.

– Убит? – повторила она и, подняв руки кверху, закричала: – Он, он! О я несчастная! Он и меня убьет. Он грозился!..

Полковница выронила папиросу и всплеснула руками.

– Ах, ужас! Феня, Феня! – закричала она. – Поди, позови жильца нашего, скорее!..

– Алексей Димитриевич рано утром ушли, – сообщила Феня, – за ними сторож приходил.

Экстра, говорит, убийство!..

– Вот! – воскликнула полковница. – Луша, ты права! Его убили! О люди! Нет нашего ангела! – Она тоже вскочила и грозно протянула руку: – Но тогда арестуйте убийцу!

– Он, он! – кричала Екатерина Егоровна, бегая по комнате. – Он грозился!

– Барыня! – заговорила Луша, вся дрожа. – Они все взаперти сидят, и не слышно их. Я боюсь идти туда, потому они, верно, порешившись. Вот ей – Богу!

– Как? – полная нового ужаса, спросила Екатерина Егоровна.

– Не иначе как порешившись! Потому что ничего не слышно. Я даже убегла ночью, а теперь вернулась – и все тихо. Я – к вам!..

– Мамаша, что же мне делать? – простонала Екатерина Егоровна, опускаясь в кресло.

Мамаша развела руками.

– Теперь самое лучшее, – бойко заговорила Феня, – подождать, пока вернутся Алексей Димитриевич. Они законник, и все это им известно. Они и присоветуют!

– Да, да, Катиш! – оживилась полковница. – Это самое лучшее! Подождем его. Ты не уходи от меня... И ты, Луша. Там видно будет. Феня, пойдем! Помогите мне! Ох, как бьется мое слабое сердце!..

Она приложила руку к тощей груди и медленно поплелась из комнаты.

– А я, барыня, сбегая за вещами и сейчас назад. Опять, квартиру запереть надо! – сказала Луша и, видя, что ее барыня сидит в оцепенении, тихо вышла из комнаты...

Весть о насильственной смерти Дерунова всюду производила ужасное впечатление.

Сергей Степанович Можаяев один из первых узнал о ней от Весенина. Он широко перекрестился и сказал:

– Никто не знает своего смертного часа. Какая ужасная смерть! А мы вчера с вами костерили его! Что же, ограблен?

– Нет! – ответил бледный Весенин (он не спал всю ночь). – При нем и часы, и портмоне, и бумажник...

– Странно!.. Злой человек был. Врагов много!

Разговаривая, они прошли в столовую.

За самоваром с бледным, усталым лицом сидела Елизавета Борисовна, подле нее Вера внимательно просматривала газету.

Сергей Степанович ласково поздоровался с ними.

– Новость еще не дошла до вас? – спросил он, садясь к столу.

– Какая? – живо спросила Вера. Елизавета Борисовна только повернула лицо в сторону мужа.

– Дерунова убили! Федор Матвеевич на труп наткнулся, в садике Долинина, у подъезда... Лиза! – вдруг закричал Можаяев, вскакивая со стула. – Лиза!

Вера успела поддержать свою мачеху, иначе она бы упала. Мертвенная бледность покрыла ее лицо. Весенин с готовностью налил стакан воды. Можаяев стал на колени, схватил руки жены и в испуге встряхивал их.

– Лиза, что с тобою? Очнись! – говорил он растерянно.

Вера смочила водой виски мачехи. Она очнулась. Капли пота выступили на ее лице.

– Простите, – улыбнулась она, – но это так неожиданно. Я не могу. Я выйду. Вера, помоги мне! Спасибо, Серж!

Муж нежно обнял ее и повел из столовой. Вернувшись, он сказал:

– Она последние дни что-то все на головные боли жалуется, бедная! Надо скорей в деревню, Федор Матвеевич! Веруша, наливай чаю. Что надо? – недовольно обратился он к вошедшему лакею.

– От Деруновых к барышне... – сказал тот нерешительно. Вера тотчас встала.

– Ко мне? Я сейчас, папа! Простите! – и она быстро вышла.

Можаяев пожал плечами. Вера вернулась почти тотчас, бледная и взволнованная.

– Простите меня – я ухожу! – сказала она. – Вы уж сами хозяйничайте!

– Что еще? – спросил Можаяев.

– С Анной Ивановной нехорошо. Истерика, потом обморок, лежит. Я возьму доктора и к ней! – торопливо ответила Вера, проходя в свою комнату.

– Вот она, смерть-то! – сказал Можаяев Весенину. – Так и захватывает все вокруг. Словно камень, брошенный в воду. За кругом круг...

Анна Ивановна лежала без чувств, но едва приходила в себя, как начинала биться в истерике. Прислуга растерялась. Брат Анны Ивановны, Силин, метался как угорелый, и, когда пришла Вера с доктором, все вздохнули с облегчением.

Степан Иванович Силин был славный малый. Огромного роста, с огненно – рыжей бородою по пояс, на вид ему можно было дать лет сорок, хотя в действительности ему было 23 года; он обладал громким голосом и раскатистым смехом, грозной внешностью, под которой скрывалось добродушное существо; наконец, в минуты задумчивости он казался глубокомысленным, умным, когда в действительности был далеко не из тех, что выдумывают порох. Когда сестра его вышла замуж за Дерунова, тот устроил ему место у себя в банке на 50 рублей, и Силин с жаром отдался наслаждениям жизни. Но все же банковская служба не удовлетворяла его мелкого честолюбия, и он устроился репортером при местных газетах. Судьба создала его для этого рода занятий. Он на лету умел схватывать информацию, из самых необыкновенных источников черпал сведения, бывал во всех слоях местного общества и слыл первым сплетником, хотя сплетни его не носили никогда злого характера. И теперь, следуя своему призванию, он едва успел освободиться, как помчался в редакцию местного «Листка».

Он ворвался в контору, как ураган, сразу наполнив своей особой все помещение. Длинноногая девица с чахлой грудью и тусклыми глазами подпрыгнула от неожиданности за своею конторкой и только воскликнула:

– Ах, Степан Иванович!

Толсторожий парень, меланхолически складывающий на полку номера газеты, выронил из рук толстую пачку.

Силин промчался мимо них, распахнул крошечную дверку и закричал с порога:

– Сенсационная новость! Убийство! Триста строк и не иначе как по три копейки.

– Степан Иванович, родной! Идите, идите, рассказывайте! Ну? – воскликнул редактор, поднимаясь ему навстречу.

Матвей Михайлович Полозов, редактор и издатель местного «Листка», был брюнет маленького роста и довольно объемистый в обхвате. Все лицо его было так густо покрыто растительностью, что только очки указывали на присутствие глаз среди этого волосяного леса, и, уже следя за ними, можно было разглядеть красноватый нос, на который упиралось толстое седельце очков.

– Как бы не так, – ответил Силин, пожимая руку издателю, – прошлый раз я вам сдуру рассказал про Мартынову, что родила двойню, вы напечатали, а я с носом! Нет, сперва условимся! – Он уселся и закурил.

– Шутник вы, право! – смутился редактор. – Ну да что с вами поделывать. Пишите!

– Триста и по три?

– Милушка, пусть за две строки пятачок. По две с половиною. Средства у меня, вы знаете...

– Ну, один черт! – Силин махнул рукою. – Вы-то уж слышали?

Редактор встрепнулся.

– Про убийство? Да, да! Я к Долинину посылал, просил прийти. Спит.

– Не спит, а расстроен, – с ударением сказал Силин, – шутка ли, у них в доме! Через полчаса, как он вернулся. «Где вы были? Везде! Везде – значит нигде!» – Силин кинул папиросу и придавил ее каблуком, словно ставя точку.

– Милушка, да вы что же? – пролепетал редактор.

– Я? – пожал плечами Силин. – Ничего! Это первый допрос на месте. Всех спрашивали.

– Скажите!.. А он фельетон мне должен, – задумчиво протянул редактор.

– Фельетон он напишет. Ему что! Да и я это так, – успокоил его Силин, – ну, я сяду!

– Душечка! – сказал редактор, влюбленно посмотрев на Силина и доверительно положив ему на колено руку. – Только уговор: сегодня в «Газету» не идите!..

Силин с возмущением тряхнул головою.

– Нет, нет, дайте слово! – продолжал редактор. – А то помните с затонувшей баржей? А? И вообще все теперь сведения об этом деле чтобы у меня. Хорошо? Я вам уж три копейки дам! – расщедрился он.

– Три? Идет!

– Ну, вот и хорошо! Так пишите, милушка! Я вас оставляю!

Силин пристроился к столу и, макая перо, сказал вслед уходящему Полозову:

– Пришлите пару пива!

Перо его бойко заскрипело по бумаге.

«Весь город сегодня в необычайном волнении. Пролилась кровь, совершено убийство. И на этот раз убит не жалкий босяк в пьяной драке, не загулявший бурлак, а всеми уважаемый, известный делец, директор коммерческого банка. Убит не ради денег, а по каким-то таинственным мотивам, и труп его, подброшенный или нет, был найден... Но не будем забегать вперед и начнем по порядку...»

Силин выпил залпом стакан пива, задумался и, налив второй стакан, на клочке бумаги отметил:

«1. Кто и как открыл труп? 2. Поза убитого, рана. 3. Первые меры. 4. Прибытие властей. 5. Прибытие следователя. 6. Первый допрос на месте. 7. Тайна».

– Так, хорошо! – одобрил он сам себя. – А извещение о похоронах в особой заметке. Ну!

Он выпил второй стакан пива и стал писать, не отрываясь, только и отбрасывая исписанные страницы в сторону.

Спустя час он встал, потянулся и, самодовольно взглянув на исписанные листки, аккуратно сложил их, придавил прессом и, взяв шляпу, вышел из душевой комнатки.

Уходя, он поклонился девице с тусклыми глазами и сказал ей:

– Придет Матвей Михайлович, скажите, что на столе!

– Хорошо, Степан Иванович! – ответила девица таким тоном, словно он предложил ей выпить раствор сулемы и она с безропотной покорностью согласилась на это предложение.

Силин вышел и огляделся, после чего, беспечно насвистывая, направился в соседнюю улицу, перешел площадь, прошел по бульвару и совершенно неожиданно очутился перед дверью в редакцию «Газеты».

Ничего нет удивительного, что он вошел в нее, и совершенно естественно, что редактор – издатель «Газеты», Павел Петрович Стремлев, с радостным возгласом бросился пожимать ему руку.

– Рад, рад! – говорил он. – Два раза посылал за вами! В «Листке» не были?

Стремлев был еще короче Полозова, но в противоположность ему – не только на лице, но даже и на голове не имел ни малейшего признака растительности. Зато глаза его, выпуклые, словно выдавленные из орбит, беспокойно таращились и огромный нос, как руль у лодки, гордо высился над тонкими губами, что делало его голову похожей на птичью.

– Ну вот еще, – ответил Силин, – я ему свою двойню долго не забуду!

– И хорошо! – обрадовался Стремлев. – Так вы мне насчет убийства, а? Ваш родственник, – вздохнул он, – почтим!

– Великолепная статья, – сказал Силин, – таинственная подкладка, роман. Но...

– Что?

– Меньше трех копеек не возьму, и сколько напишется!

– Степан Иванович! – воскликнул Стремлев. – Где у меня средства? Вон тот каналья может: его отец гробы делал в холерный год, нажился. Так ему легко Долинина на фельетон позвать, а я...

– Ну, тогда я уж к нему пойду! – и Силин с равнодушным видом повернул к выходу.

– Ну, миленький, ну, дорогой! – Стремлев взял его под руку. – Ну, Бог с вами! Пишите! Только, – он умоляюще посмотрел на него, – уж в «Листок» не ходите!

– Э, шут с ним! – ответил Силин. – Ну – с, так я сяду! – и он положил шляпу.

– Садитесь, садитесь, – засуетился Стремлев и многозначительно прибавил: – Возмущения побольше! Упадок нравственности и прочая.

Силин кивнул головой и опустил перо в чернильницу. Часа через полтора он вышел из редакции, весело улыбаясь.

– Ну, сделал! – сказал он сам себе. – Теперь к сестре, обедать, потом с Лапой повидаться для нового запаса... Ах, если бы каждую неделю такой случай!..

VIII

Только к утру приехал судебный следователь, Сергей Герасимович Казаринов, длинный и тощий, с белокурою головой, на которой волосы росли почему-то клочьями, в синих очках на остром и тонком носе. Он вертел беспрерывно головою, словно вывинчивал ее из плеч, и при этом нос его будто нюхал воздух.

Его сопровождал письмоводитель Лапа, постоянно имевший вид только что проснувшегося человека. Если его спрашивали, он сначала подымал голову и осматривался, словно ища глазами спросившего его человека, потом в свою очередь спрашивал: «А?» – и на вторичный вопрос уже собирался с ответом.

Казаринов был возбужден. Он давно сетовал на прозаичность своих дел (помилюйте, в пьяной драке Аким Степана зарезал, или Матренин любовник в ревности ее ножом полоснул! Разве это интересно?), и теперь убийство Дерунова, казалось, давало ему случай отличиться.

– А, Яков Петрович, Николай Петрович! И вы тут? – обратился он к Весенину. – Знакомые все лица! Ну, что без меня тут сделали?

Пристав доложил, что он составил протокол предварительного осмотра места и положения трупа, полицейский врач установил убийство и сделал осмотр трупа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.